

Н. ГУРИНА-КОРБОВА

ДОМ,
КОТОРЫЙ
СНЕСЛИ

Жизнь и судьба (Горизонт)

Наталья Гурина-Корбова

Дом, который снесли

«ИП Каланов»

2017

Гурина-Корбова Н. К.

Дом, который снесли / Н. К. Гурина-Корбова — «ИП Каланов»,
2017 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

У каждого человека есть прошлое и парадокс заключается в том, что чем дольше живёт человек, тем ближе становится для него это самое прошлое, он с любовью и нежностью вспоминает своё детство, свою юность, всё то, что так неумолимо исчезает и растворяется в дымке времени...

Содержание

Всё тайное...	6
Две фотографии	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталия Константиновна Гурина-Корбова Дом, который снесли...

Всё тайное...

Большие настенные часы всё ещё мелодично и без фальши, разве что немного дребезжа и по-стариковски замедленно, размерено и важно, пробили двенадцать раз. Они могли себе это позволить – в следующем году исполнится почти сто лет, как они поселились в этой семье, стали её членом. Сначала их поместили на высокой, крепкой стене просторной комнаты в красивом каменном доме и провисели они там больше восьмидесяти лет, а потом перебрались на эту хлипкую стену панельного дома, где они тоже висят уже десятый год, висят в этой, так смешно называемой – «большой» комнате! За всё долгое пребывание со своего места с прежней стены их снимали всего-то раз пять и то на время ремонта, чтобы поклеить новые обои. А вот на этой стене видимо им придётся висеть до самого своего конца. Обои были светло бежевые с довольно крупными венками-букетами белых цветов, горделиво именовавшиеся «шалляпинскими». Остальное пространство по соседству с часами, как на прежней стене, так и сейчас, занимали разнообразные тарелочки с изображением различных городов, деревянные игрушки, фарфоровые консольки с миниатюрными вазочками и прочие прелестные мелочи – сувениры, привезённые из многочисленных творческих поездок, командировок и туристических экскурсий обитательницами этого неизменно уютного жилища, родными сёстрами: старшей Златой Матвеевной и младшей Диной Матвеевной, разница в возрасте самая обычная – семь лет.

– Ну вот, уже и полдень, а я ещё не готова! Дина, а Дина, – Злата стояла у высокого трельяжа карельской берёзы и тщательно осматривала себя в зеркало поворачиваясь то одним боком, то другим, отражаясь во всех его трёх створках, – я говорю, Дина, как я сильно похудела за последнее время, – Злата жеманно вздохнула, – это платье уже на мне как на вешалке висит... может то синее одеть? А? Ты как считаешь? – растягивая слова Злата опять продолжила пытаться суетящуюся на кухне Дину.

А вот причёска сегодня ей нравилась, седина даже облагораживала, и её карие, почти чёрные глаза смотрели вполне удовлетворённо на коричневое с крупными экзотическими бежевыми цветами платье: ни так уж оно и висело на её чуть-чуть похудевшей, но вполне статной фигуре.

– Я ничего не слышу, что тебе опять не нравится? – сгорбившаяся Дина в ситцевом халате с короткими рукавами вошла в комнату, неся перед собой на вытянутых худых, с перекрученными венами руках большое блюдо с пирогами, поставила на накрытый белой скатертью овальный стол, оправила задравшийся фартук и внимательно посмотрела на сестру, – ну и что тебя таки не устраивает? – и с нежностью добавила, – да, м-м-м немного похудела, но этого совершенно незаметно постороннему глазу, оставайся в нём- оно тебе больше идёт, синее всё-таки бледнит.

– Ты так считаешь, тогда можно я твои коралловые бусы одену?

– Конечно, Златочка, они тебе всегда шли, а к этому платью тем более.

Всё это Дина говорила не переставая расставлять на столе заранее извлечённые из резного, огромного буфета праздничные тарелки, раскладывая начищенные ею вчера серебряные столовые приборы, ставить по росту высокие хрустальные фужеры и малюсенькие бочонки-стопочки. Старшая сестра продолжала приводить себя в порядок уже отойдя от зеркала: теперь она копалась в чёрной лаковой шкатулке, перебирала кольца, примеряя их по очереди на длинные жилистые пальцы, откладывала не найдя подходящего, покачивала головой и, когда наконец нашла серебряный перстень с крупным сердоликовым кабошоном, удовлетворённо заключила:

– Ну вот, теперь я готова. Тебе помочь, Дина? – та отрицательно покачала головой.

– Сядь, отдохни, я почти всё сделала. Пойду переоденусь, скоро придут, а я в таком виде, кошмар!

И она взяв со спинки стула висевшее серое в мелкий цветочек платье, пошла переодеваться в Златину комнату с трельяжем.

Злате вчера исполнилось 87 лет, а сегодня сёстры ждали гостей, чтобы отметить это чудесное событие. Должна была прийти приятельница Тонечка, возможно с мужем, и племянник Юрочка, возможно с женой, ну и безусловно преданная Муся.

* * *

Злата в молодости была красива той яркой красотой еврейских женщин, которая пленяет своей восточной таинственностью и обаянием. Её живые, озорные глаза всегда выражали бесконечное любопытство, удивление и некую детскую наивность, небольшой негритянский носик с расширенными ноздрями и красиво очерченные полные губы дополнял нежный румянец на едва смуглой коже. Бог наделил Злату и ещё одним бесценным даром – у неё был от природы поставленный глубокий низкий голос. Злату рано отдали учиться музыке по классу фортепиано, а по окончании музыкальной школы она без особого труда поступила в Гнессинское училище на вокальное отделение. Все преподаватели и, в первую очередь сама Нина Александровна Вербова, прочили ей блестящую карьеру на оперной сцене. Её меццо-сопрано сравнивали по тембру с голосом знаменитой Обуховой. Но блестящей оперно-эстрадной карьере не суждено было состояться – у бойкой и озорной с виду Златы появлялся панический страх, как только она оказывалась на сцене одна и, чувствуя на себе внимательные взгляды публики, даже одного единственного зрителя, почти теряла сознание, голос пропадал и ничего с этим поделать было невозможно, никакие внушения родителей и друзей, педагогов и психологов, ничего не помогало. Петь она могла только в хоре, на сольной карьере был поставлен большой жирный крест! Это была одна из трагедий её жизни.

Другой трагедией стала её влюблённость в своего двоюродного брата Марика. Их матери были родными сёстрами; Марик был родом из Винницы, окончив школу, он приехал учиться в Москву, поступил в Художественное училище, которое блестяще закончил, домой он возвращается не вернулся, а так и остался жить в Москве, где-то работал, но в основном вёл богемный образ жизни свободного художника, снимал комнату на далёкой окраине в Лосинке.

Иногда он заходил к своим родственникам в Замоскворечье. До войны вся большая четырёхкомнатная квартира принадлежала семье Гольдманов, то есть родителям Златы и Дины. Места вполне хватало, чтобы приютить на ночлег любимого племянника.

Злата ждала этих коротких встреч как манны небесной, всё существо её трепетало при одной мысли, что вечером она увидит его крепкую, мускулистую фигуру, сможет любоваться его глубокими, чуть навывкате тёмными глазами, а если в коридоре он и прижмёт её ненароком, то счастье – вот оно счастье, жгучими стрелами пронзит всё её гибкое послушное тело, проникнет глубоко в грудь, в самое бешено-колотящееся сердце и электрическим разрядом пробежит до самых кончиков пальцев обессиленных рук и ног.

О её тайне знала только Дина, которая в сущности была ещё ребёнком, угловатым пятнадцатилетним подростком, но больше Злате делиться было не с кем: матери она стеснялась сказать, а маленькая молчаливая Дина, хотя ничего и не понимала в этих любовных мытарствах сестры, но отчаянно ей сопереживала, слушая и утешая как умела, глядя по тёмной кудрявой голове сестру и плача вместе с ней от пронзительной жалости. Иногда Злате казалось, что и Марик смотрит на неё гораздо нежнее, чем просто на сестру, в его пристальном взгляде чувствовалась настоящая мужская страсть и желание. И Злата ждала, терпеливо ждала, когда же он скажет ей об этом, и лелеяла тайную надежду, что в один прекрасный день или вечер он попросит у Златиных родителей её руки: браки между двоюродными братьями и сёстрами в еврейских семьях хоть и были редкостью, но всё же случались и в этом не было ничего предосудительного.

Марик поражал всех родственников своим художественным талантом, ещё в Училище ему прочили славу Шагала или Малевича. Однажды он решил написать портрет Златиной матери – своей тётки и портрет этот, нарисованный в классическом стиле маслом, получился поистине превосходно, сходство потрясло всю семью, Злата была на седьмом небе от счастья – она усмотрела в этом его творении почему-то какой-то мистический знак, как будто он изобразил её мать исключительно из-за любви к дочери, к ней, к Злате.

Сразу после окончания училища Злату приняли в небольшой камерный хор при Московской филармонии и началась её гастрольная деятельность и с обворожительным Мариком она стала видеться реже.

* * *

Тонечка была их приятельницей или, как называла её Злата – «наш молодой друг» и это соответствовало действительности, разница в возрасте у неё со Златой была более тридцати лет. Но они трое дружили тепло, искренне и любя. Сёстры гордились, что ещё интересны таким молодым, как Тонечка, и чтобы не подчёркивать эту огромную возрастную бездну, обращались к ней на «Вы». А она неподдельно восхищалась их оптимизмом, умением оставаться в таком преклонном возрасте женщинами, и не смотря на то, что их жизнь с каждым годом, с каждым днём должна была приближаться к своему логическому концу, увы, как у всех смертных, несмотря на это, они не переставали радоваться едва заметным мелочам, активно обсуждать сегодняшние события в стране и в мире, и даже строить планы на будущее.

В любом возрасте всегда приятно ощущать себя ещё ребёнком, когда есть кто-то старше тебя, умнее, опытнее, который расскажет о прошлой жизни, об интересных событиях, похвалит тебя или пожурит любя, внимательно и участливо выслушает, нежно, по-матерински обнимет в трудную минуту. Таким «кто-то» и были для Тонечки Злата Матвеевна и Дина Матвеевна или просто Злата и Дина, как она называла их за глаза, искренне обожая. Дружба их продолжалась уже почти двадцать пять лет, с тех самых пор, когда Злата ещё работала музыкальным работником в детском саду, куда ходил единственный сын Тонечки Серёжа.

* * *

– Тоня, ты когда вернёшься, ждать тебя к ужину или самому поесть? – муж Тонечки, Илья Львович, худощавый и заметно полысевший, шестидесятиррёхлетний доцент сидел за письменным столом, перед ним были разложены исписанные листы, стопки тетрадей с конспектами; чуть приподняв голову он вопросительно посмотрел поверх очков с толстыми линзами на всё ещё изящно изогнутую спину жены, надевавшей в коридоре сапоги, и не получив ответа, снова углубился в чтение очередного студенческого реферата. Он прекрасно относился к Злате и Дине, уважительно к их возрасту и понимал, что жена не зря поддерживает дружбу с этими милыми старушками. С ними ей было интересно. Но сам, познакомившись и побывав у них пару-тройку раз много лет назад, в дальнейшем не счёл нужным тратить своё драгоценное время на женские посиделки, Тонечка никогда его и не уговаривала, но всё же сегодня утром сделала очередную попытку скорее для проформы:

– Может всё-таки поедешь? Они так рады будут! У Златы вчера был День рождения, к ним и Юра должен подъехать...

– Не, не, не... без меня. У неё ж не юбилей?! Привет и поздравления передавай, никак не могу – к завтрашнему семинару ещё столько работ надо проверить, нетронутая целая группа осталась, я и так не успеваю!!! Извинись. Тонечка обиженно укорила:

– Ну и зря, мог бы сделать исключение, у них каждый день юбилей, ни то, что год. Кстати! Вот Дине через месяц восемьдесят, ловлю на слове, пообещай!

– Хорошо, хорошо, посмотрим, – и он встав из-за стола поцеловал жену в щёку и закрыл за ней дверь.

* * *

Первым как всегда приехал Юра с двумя букетами роз: тёмно-красных для Златы и нежно-кремовых для Дины, всегда по семь штук. Протянул имениннице красивый пакет с подарком, Дине торт и сам отнёс на кухню сумку полную продуктов.

– Юрочка, ну зачем ты, у нас всё есть, – нараспев пожурила племянника Злата и сгорая от любопытства, которое не утрачивается с годами, а у её артистической природы оставалось весьма ещё обострённым, пошла смотреть содержимое расписного пакета к себе в маленькую комнату.

Дина копошилась как обычно на кухне, волнуясь ничего ли не забыла выставить из холодильника на стол. Юра поцеловал её в щёку и покачав уже седой, но всё ещё с густой львиной шевелюрой крупной головой, ласково констатировал:

– Динуля, ну ты никогда так и не отдыхаешь, сегодня небось ещё и не присела, – он называл так Дину с самого детства, на что Злата немного обижалась, она была для Юры всегда только «тётъЗлат», что опять же таки подчёркивало её возраст, – дай я тебе помогу, – он начал раскладывать привезённые продукты на стол и в холодильник, попутно спрашивая о её и о Златином здоровье, рассказывая кое-какие события из своей жизни, жалуясь на невнимательность старших дочерей, на разгильдяйство сына-школьника, на участвовавшие гипертонические кризы жены, возмущаясь и сетуя на нашествие непрофессионалов на работе. Он обычно подробнее рассказывал обо всём молчаливой Дине, которая всегда внимательно его слушала и никогда не перебивала. Это была и ещё одна причина небольшой ревности Златы – Юра был для них обеих единственным светом в окне, любимым и самым дорогим их сокровищем, особенно когда они постарели. Он всегда их любил, но с возрастом и особенно, когда он похоронил своих родителей, его больше стало тянуть к теплу и нежности родной крови двоюродных сестёр его матери. Их ненаглядному мальчику уже исполнилось шестьдесят, увы, для них он навсегда так и остаётся Юрочкой. Назвать его ни то что Юрием, а даже Юрой ни у одной не поворачивался язык.

– Юрочка, а что же Аня не приехала? – поинтересовалась Дина, выкладывая мацу на небольшое, плетёное из соломки, блюдо, – опять давление?

– Так я же и говорю – криз за кризом и в больницу не хочет, такая упрямая! Она вам привет передавала...

– Дина, посмотри, что он придумал!!! Это же надо, какая прелесть!!! Такой аромат!!! Это ты из Парижа привёз? – счастливая Злата улыбаясь и благоухая только что открытым французским парфюмом, вошла на кухню и выложила прямо на стол среди селедочки и тарелок с колбасой и сыром раскрытый полиэтиленовый пакет с голубой в мелкий розовый цветок ночной рубашкой. – Злата, побойся Бога, ты как ребёнок! Перепачкаешь! – Дина строго посмотрела на сестру покачав головой и сменив тон добавила, – потрясающе красиво и как раз твой любимый оттенок!!!

Вскоре пришла маленькая сгорбленная Муся, с явным трудом переставляя отёкшие ноги и опираясь на так ненадёжно выглядящую тоненькую палочку. Муся была их подругой детства и соседкой с первого этажа ещё того дома на Толмачёвском, где они прожили большую часть своей жизни. В прошлом Муся была переводчиком и до сих пор в свои семьдесят пять давала уроки английского языка внукам и правнукам своих друзей. Злата сразу же увела её в свою комнату пошутушкаться, как она называла любое женское общение тета-тет.

* * *

Подходя к дому, где уже десять лет жили сёстры в этом далёком Медведково, Тонечка неизменно сравнивала своё ощущение с тем первым, которое она испытала много лет назад войдя в подъезд огромного каменного дома девятнадцатого века в Замоскворечье. Тогда она долго поднималась на четвёртый этаж по широченной внушительной лестнице опираясь на чугунные кованые перила и, подойдя к такой же внушительной дубовой двери, увидела сбоку на косяке несколько звонков расположившихся один под другим, нашла табличку против одного из них с фамилией «Гольдман» и позвонила. Ей сразу же открыли обе сестры, несмотря на то, что коридор в квартире был длинный и идти по нему, как ей казалось, двум немолодым женщинам было затруднительно. Сёстры её явно ждали и Тонечка почувствовала это с первых минут. С тех пор этот дом, их дом был для неё самым тёплым и светлым во всей Москве независимо от того, где дом этот находился: там в Большом Толмачёвском или здесь в Медведково.

Раньше она навещала их почти ежемесячно, иногда брала с собой сына. В квартире была атмосфера той романтической старины Замоскворечья, которая всегда пробуждала фантазию и навевала исчезающие нотки патриархальности, традиций и дореволюционного, и довоенного духа. Серёжа ездил к бабушкам с интересом, особенно его поражал «наполеоновский» сервиз, который был выпущен малой серией ещё в 1912 году как раз в год ознаменование столетия Отечественной войны 1812 года: тарелочки были по краю тёмно-зелёного цвета с золотым орнаментом, а в плоской серединке каждой из 18 штук были нарисованы вручную миниатюры-картины сражений и битв русской армии с французами, и что самое главное – все разные!!! – восторгался Серёжа. Он подолгу завороченно рассматривал каждую: солдаты, кони, сам Кутузов, Наполеон, пейзажи Бородинского поля – всё выписанное с ювелирным мастерством, каждый волосок гривы и хвоста лошади, каждый кивер гусар, треуголки, флаги-просто чудо!!! Однажды Тоня затащила к сёстрам и мужа Илью Львовича, вечер прошёл на высоте, тепло и интересно, потом ещё пару раз он побывал у них, затем стал придумывать различные отговорки и, когда и сын вырос, Тоня стала ездить к ним одна и ни так часто, но Дни рождения старалась не пропускать.

* * *

Лет десять назад в квартиру на Толмачёвском в две освободившиеся после смерти соседки комнаты въехала семья: неряшливая и скандальная Валька с мужем пьяницей и сыном подростком, который постоянно курил в коридоре и матерился по-взрослому. Жить стало невыносимо и сёстры, пока ещё были кое-какие силы, решились на обмен: разъехаться с безобразными соседями да и пожить под конец в своей собственной квартире. Они ужасно устали за столько лет от вынужденного общения с совершенно посторонними, навязанными им когда-то и много раз сменившимися за многие годы людьми: неважно хорошими или плохими, но всегда чужими. С помощью Юрочки они и оказались в этой двухкомнатной квартире в Медведково, комнаты изолированные, у каждой своя, третий этаж и двор тихий, зелёный, да и метро рядом. Собрать вещи и переехать помог любимый племянник и Тонечка, даже Илья Львович оказал посильную помощь – перевёз на своей Ауди весь оставшийся антиквариат: большая часть, в том числе и наполеоновский сервиз которого, уже была продана и «съедена» ко времени переезда на новую квартиру (втихаря от Юрочки разумеется).

Старинная мебель доставшаяся от родителей в новую, хрущёвской планировки квартиру не помещалась, пришлось кое – что продать, кое-что Юра вывез в старый дом в Малаховке, но огромный резной буфет с множеством ящичков и дверок, с двумя боковыми отделениями в виде высоких башен они как-то умудрились расположить в большой комнате. Для этого

пришлось нанимать специального мастера, который внимательно изучил конструкцию этого сооружения, разобрал, внёс по частям в квартиру и снова собрал: сёстры остались довольны – буфет не пострадал. Ещё переехали в новую квартиру овальный раздвижной стол, трельяж, без которого Злата не представляла своей жизни, два вольтеровских чёрных кресла с высокими спинками, книжный шкаф тоже чёрный с гранёнными остеклёнными дверцами и, конечно, фортепиано, на котором красивой линейкой выстроились маленькие мраморные бюстики великих композиторов от Баха и Шопена до Чайковского и Мусоргского. Спальные места купили новые, современных габаритов. Старинные часы с боем водрузили как и прежде на стену противоположную буфету и вокруг них с потолка до спинки дивана, стоявшего под ними, развесили все имеющиеся сувениры. Мамин портрет, как и прежде, повесили ближе к окну. Таким образом, новая квартира немного стала напоминать старую и это грело душу не только сёстрам, но и всем остальным.

* * *

– Тонечка, дорогая, как мы вам рады, – нараспев промолвила Злата своим красивым голосом, открывая дверь, – Дина, Юра, Тонечка пришла! А мы с Диной вам муку мацовую приготовили и ещё смекту для Ильи Львовича, сразу положите в сумку, а то забудете, положите, положите... а сам он прийти опять не смог? Как жаль, как жаль! – приговаривала Злата беря из Тонечкиных рук цветы и коробочку с подарком и взамен протягивая небольшой заранее упакованный свёрток. Такие взаимообмены в коридоре происходили каждый раз при Тонечкином появлении у сестёр – это был своеобразный ритуал, она привыкла и с охотой всегда поддерживала эту вежливую игру.

Расцеловав Злату и Дину, поздоровавшись с гостями, выслушав комплименты от Златы: «Ах, какой чудесный костюм на вас, вы прекрасно выглядите, правда, Юрочка?» и наградив её в ответ целым набором дифирамбов, возгласов восхищения по поводу коралловых бус и чудесно подобранного к ним и к платью сердоликового перстня (Злата обожала комплименты и прямо светилась от неприкрытой лести в свой адрес), обласканная Тонечка со всеми вместе скоро сидела за большим овальным столом, уставленным так любовно приготовленными Диной салатами, гусиной шейкой, собственными соленьями и непременно блюдом всякого праздничного стола в этом доме- фаршированным карпом. Юра разлил по маленьким бочонкам-стопочкам «Клюкву на коньяке», а в высокие фужеры приготовленный Диной, любимый Златой чёрносмородиновый морс. Праздник начался. Сначала подняли тост за здоровье и вечное очарование вчерашней именинницы, потом за кулинарные изыски Дины, потом за всё хорошее, о чём могли только вспомнить. А хорошего было предостаточно.

– Нет, вы только представьте, ведь мне через три года будет девяносто, это просто какое-то недоразумение!!! Мне девяносто лет!!! – кокетливо возмущалась Злата.

– А Динуле через месяц – восемьдесят, – подхватил Юра, подливая тётушкам ещё настойки, – опять праздновать придём, не возражаете. Как вы, Тоня?

Тонечка кивнула в ответ головой, тщательно прожёвывая кусок Дининого пирога с капустой.

– А тебе уже будет шестьдесят один... – задумчиво подхватила улыбающаяся Дина, она немного отошла от напряжения ожидания и подготовки к приёму гостей, и выглядела теперь не такой замученной и усталой, как при встрече.

– Дина Матвеевна, как вы удивительно похожи на вашу маму, – Тонечка посмотрела на висящий в углу у окна портрет их матери. А кто художник?

– Да, Динуля с годами стала вылитая Эстер Моисеевна, – Юра утвердительно закивал, – я её тоже помню именно такой... тётЗлат, в котором году она умерла?

– В сорок восьмом, тебе уже шесть исполнилось... конечно, помнить должен.

– А кто же нарисовал вашу маму, – не унималась Тонечка, хотя сто раз уже слышала этот ответ. Но она знала, что Злате всегда приятно вспоминать об этом.

– Наш двоюродный брат Марк, необыкновенно талантливый художник, он такие большие надежды подавал, такой был... такой... любимый ученик Грабаря! – глаза Златы загорелись на мгновение и затем артистично подёрнулись слезой, – впрочем, что теперь говорить, его давно уже нет на этом свете. Как только началась война, его призвали на фронт, и он погиб, сразу погиб, в тот же сорок первый год его не стало, под Москвой. Конечно, какой из него солдат, он же художник, натура возвышенная, тонкая... нам только одно письмо прислать успел из Волоколамска... и сразу... и погиб, мы и родственникам в Винницу сообщить не смогли... они все там погибли, всех убили, всех до одного... – Злата замолчала, на некоторое время участливо замолчали все. Но потом эта тихая грусть улетучилась – столько лет прошло. Все сидящие за этим столом знали, что Марик был единственной самой сильной любовью Златы за всю её долгую жизнь, и это поражало, восхищало и удивляло своей необыкновенностью и фатальной, реальной действительностью. Бывает же такое – бывает, оказывается бывает!

* * *

Дина собирала со стола грязную посуду, ей помогали Тонечка и Муся, Юра собрался выйти покурить на лестничную клетку, хотя ему разрешалось всё, и Злата не преминула крикнуть ему вслед:

– Юрочка, у нас можно курить на кухне, ты же знаешь. Только форточку открой. На площадке холодно и соседи ругаются.

Юра послушно вернулся в комнату с полпути даже не успев прикурить. Сел напротив Златы и нежно сказал: – Я тебя обожаю, тётъЗлат, ты настоящая женщина, выглядишь бесподобно! Может по случаю праздника осчастливишь, а то я никогда так и не слышал твоего божественного голоса... пожалуйста, спой что-нибудь, – он молящим взглядом смотрел на тётушку.

– Нет, дорогой, это уж совсем исключено, – Злата была непреклонна, хотя было видно, что подобные просьбы и вообще разговоры о её необыкновенном бархатном «меццо-сопрано Обуховой» льстят, и ей очень нравится находиться постоянно в центре внимания и некоего поклонения её чуть увядшей красоте и легендарному дару певческого вокала так никогда и никем из присутствующих, кроме Дины, не услышанном.

Застольный разговор постепенно перерос в воспоминания, пересказ всем известных семейных случаев и событий. На вопрос Тонечки, откуда родом их семья, Злата с воодушевлением принялась подробно рассказывать историю их переселения в Москву: – Родители жили в Риге. У них была самая обычная интеллигентная еврейская семья. Мы – ашкеназы, то есть евреи живущие в центральной Европе, и язык у нас идиш. А есть ещё сефарды – это евреи проживающие в средневековой Испании. Так вот мы с Диной чистые ашкеназы, а Марик был наполовину сефардом. Поэтому кровь всё же была чуть – чуть разная, не такое уж близкое родство, – внимательно слушавшая Тонечка безусловно поняла к чему это Злата дала такое подробное пояснение: они с Марином вполне могли бы пожениться. Затем она продолжила, – Наши родители иногда говорили на идиш, особенно, когда хотели, чтобы мы с Диной не понимали о чём. А нас не научили, я так несколько слов знаю: «бекицер» – короче... «Вейзмер» – это такое восклицание, ну, Боже мой, что ли...

– А я знаю лехаим- это «за жизнь», – весело добавил свои познания Юра, – это говорят как тост, и правда, давайте выпьем, лехаим!!! – и он стал разливать оставшуюся рябиновку по стопочкам. Все дружно его поддержали, но потом Дина всё же продолжила Златины воспоминания:

– Наш папа служил в Риге в Ведомстве по производству кожевенных изделий инженером, он был очень талантливый и трудолюбивый, поэтому его обширные знания и опыт были заме-

чены и в 1910 году ему было разрешено по существующей двух процентной норме жительства для еврейского населения переселиться в Москву.

– Папа был очень умный, вот Диночка вся в него, ни то что я, – опять пококетничала Злата, перетягивая одеяло всеобщего внимания на свою сторону, но Дина не сдавалась:

– На службу отца определили в Московский кожевенный комбинат в качестве главного технолога, ему выделили просторную четырёхкомнатную квартиру в красивом каменном доме в Большом Толмачёвском переулке, что неподалёку от Третьяковской галереи, где вы все не раз бывали. Сюда же вскорости он привёз и маму, в этой квартире и родились мы: сначала Злата, а потом я. Когда папа умер, в начале 1940 года нас уплотнили и из занимаемых комнат оставили две смежные. В две другие заселили ещё две семьи. А когда началась война, то мы никуда не стали эвакуироваться, так и жили. Злата часто уезжала с концертной бригадой на фронт, а меня мама на время отправила жить в Малаховку, чтобы немного помочь... Бэле. Как раз ты, Юрочка, родился... ну, хватит ностальгии, давайте пить чай, – внезапно Дина поменяла тему разговора.

Все охотно её поддержали, а Тонечка с Юрой вызвались пойти на кухню, чтобы похозяйничать на предложенную Диной тему чайного стола. Наконец – то Дина могла спокойно посидеть, больная спина мучила её давно и постоянно, а сегодня особенно долго, она откинулась в своём любимом вольтеровском кресле и слушала, как Муся со Златой взахлёб предавались своим детским воспоминаниям и серьёзно обсуждали свои же возрастные проблемы сегодняшнего дня. Когда расслабленную спину немного отпустило, Дина вступила в разговор и принялась подробно рассказывать Мусе про то, как она намучилась пока чистила карпа – все пальцы исколола об плавники. Муся внимательно слушала, она понимала, что не только карп досадил Дине своими костями, но и вообще, ей как всегда доставалось больше всех: домашнее хозяйство всегда было на её плечах, Злата всегда сетовала на своё неумение, на рассеянность, лукавила со свойственной ей артистичностью, да ещё и возраст – таки в данном случае помогал. И младшая сестра стойко несла это бремя и никогда не ныла. Только тёмные круги под глазами, да сутулые плечи выдавали непомерную усталость.

* * *

После войны Дина поступила учиться в Строительный институт, она всегда хорошо училась, особенно ей хорошо давалась математика и физика. Дина похорошела, но такой красавицей как Злата не стала. Зато благодаря своему уму, настойчивости и организаторским способностям сделала вполне приличную для еврейской женщины карьеру дослужившись до Главного инженера отдела гражданского строительства. Никакие препоны в отношении пятого пункта анкеты ни в ужасные пятидесятые годы, ни позже в годы скрытого антисемитизма не смогли помешать или умолить её достоинств, как специалиста. В огромном строительном НИИ союзного значения её не просто уважали, её боготворили и ни один проект без консультации с Диной Матвеевной не выпускался. Даже спустя много лет после её ухода на пенсию, к ней часто обращались за консультацией, чтобы разрешить трудные вопросы, иногда звонили, приезжали домой бывшие сотрудницы – подруги за советом.

Когда Тонечка познакомилась с сёстрами, то сразу поняла: Дина это оплот и мозг, а Злата – это душа и полёт их женского семейного дуэта. Но это совершенно не мешало им прожить столь долгую жизнь бок о бок, что называется душа в душу.

Безусловно, иногда случались несерьёзные разногласия, но ни брань, ни ругань им не сопутствовала. Просто одна из них уходила на кухню или к себе в комнату, а через небольшой промежуток времени уже и забывалась сама причина кратковременной ссоры. Такое дружное и обоюдное заботливое отношение бывает между родными сёстрами только в том случае, когда нечего делить и нечему завидовать. Чаще всего случается наоборот: если у одной не сложи-

лась личная жизнь или нет детей, а у другой и муж, и маленькие вундеркинды, или если одна прозябает в бедности, а у другой и квартира в центре, и дача на Канарах или в ближайшем Подмосковье, то тогда ни о какой сестринской любви не может быть и речи – женская зависть делает своё дело и опаснее, и непримиримейшее врага, чем самый родной человек – сестра, нет на всём белом свете. Но у Златы и Дины таких проблем к счастью, а может и к несчастью, не было, судьбы их были одинаково бесцветны во многом, особенно в личной жизни, вернее в полном её отсутствии. Правда, в далёкой молодости кое-какие всплески вдруг возникали, волновали и подавали надежду на изменение жизни в лучшую сторону, но потом постепенно всё совершенно утихло, всплески появлялись всё реже и реже и со временем совсем исчезли на ровной, спокойной глади их жизненной акватории.

* * *

– Тоня, ты так потрясающе выглядишь, как всегда не перестаю восхищаться, – Юра едва касаясь обнял Тонечку за плечи, она не дёрнулась, только немного отстранилась. – Ты тоже... не надо, Юра, могут войти... да и к чему? – Тонечка поправила выбившуюся прядь светлых волос и подошла к окну, – вот и лето кончается... – вздохнула она, – а почему Аня не приехала?

– У неё давление. А ты тоже без Ильи, это почему? – он медленно закурил и предложил сигарету Тоне, – будешь? – Нет, я бросила, уже год как не курю, – Тоня всё смотрела в окно и не поворачивалась, боясь встретиться с ним взглядом. Не ожидала совсем, когда ехала сюда, что так разволнуется, никуда ничего не девается, глушится внутри и только. А увидишь и опять волна чувств нахлынет и невозможно этому сопротивляться. "Неужели я так и буду каждый раз реагировать? – подумала она, – это продолжается уже двадцать лет, оба постарели за это время, мне на пенсию в этом году, а туда же..."

– Ну, повернись же, я хоть посмотрю на тебя, мы ведь целый год не виделись, Тонечка милая моя, единственная, – и Юра нежно поцеловал её в затылок. Она была маленькая, на целую голову ниже его и по сравнению с его плотной фигурой казалась хрупким ребёнком, постаревшим и поседевшим ребёнком. Она всегда ощущала себя так в его присутствии, он вызывал необыкновенное чувство защищённости и надёжности, он был для неё настоящим мужчиной, тем, о котором мечтает каждая девушка на заре своей туманной юности и тем, кого обычно эта девушка так и не встречает. Вот и он... хоть и встретился, но она не смогла перебороть своё чувство долга к мужу и маленькому сыну. А он не сильно настаивал: у него к тому времени уже было три брака и двое детей. Через пять лет он снова развёлся и женился в четвёртый раз и родился ещё один ребёнок-долгожданный сын. Так и пролетели эти двадцать лет. Последние десять – одна-две встречи в год на днях рождения в этом доме.

– Всё, Юра, возьми себя в руки, ты выпил немного лишнего, да и я что-то расслабилась, – Тонечка подошла к раковине, налила полный чайник воды и поставила на плиту, – подай мне заварочный, там на полочке красный в горошек – это Златин любимый.

– Побойся Бога, мы все вместе даже бутылку не осилили, какое лишнего?... Что за манера сваливать всё на алкоголь? Мои чувства к тебе ни от чего такого не зависят и ты прекрасно это знаешь, ты сама не захотела ничего менять. Так почему нельзя просто иногда получать удовольствие от встреч. Почему ты никогда не хочешь говорить со мной по телефону, никогда не хочешь встретиться, – Юра начал распляться и она испугалась, что кто-нибудь может их услышать.

– Успокойся, мы давно всё решили, я не хочу чтобы Илья или Аня что-то узнали, это всё ни к чему.

Он резко повернул её лицо к себе и поцеловал, она пыталась увернуться, но потом её руки сами обхватили его голову и ей уже было всё равно увидят их или нет...

– Эй, молодёжь! Вы там скоро, – громкий голос Златы возвратил обоих к неумолимой действительности, – мы чай хотим пить!!!

– Да, Злата Матвеевна, уже всё готово, несём! – как можно бодрее отозвалась Тонечка, Юра её поддержал:

– Динуля, мы сахар найти не можем, – и он понёс в комнату поднос с чашками, наполненными свежесваренным чаем.

* * *

Через два дня, Тонечку разбудил тревожный ночной звонок. Звонила Дина Матвеевна:

– Тонечка, извините меня, я так растерялась. Мы не знаем что нам делать, – Дина плакала, – Юрочка в больнице, звонила Аня – его только что Скорая забрала... у него инфаркт... вдруг обширный, – в трубке слышались рыдания.

– Диночка Матвеевна, не волнуйтесь, я сейчас же приеду, не волнуйтесь, всё будет хорошо, – Тоню трясло и колотило, она чуть не потеряла сознание от этого известия.

Быстро стала одеваться, на шум вышел из спальни проснувшийся Илья Львович. Узнав в чём дело, неожиданно вызвался отвезти её к сёстрам. Когда через сорок минут они прибыли в Медведково, то застали двух растерянных, несчастных старых женщин. Обе плакали тихо, почти беззвучно, по морщинистым щекам Дины катились крупные слёзы, Злата прерывисто всхлипывала. Тоню пронзило острое чувство жалости, сострадания и растерянности перед внезапно случившемся горем, неожиданным горем для этих старых одиноких женщин, у которых и осталась-то единственная отрада – их Юрочка, и теперь они могли лишиться и этой последней радости своей заканчивающейся жизни.

– Юрочка, сыночек мой, ненаглядный... Злата, если с ним что-то случится, я не переживу... как это возможно, чтобы родители переживали своих детей, как это возможно, чтобы мать не смогла ничем помочь своему ребёнку, зачем так устроено? Господи, помоги ему... – бормотала Дина, сидя на своей кровати и, то сжимала крепко до боли свои трясущиеся худые пальцы, то проводила ладонями по морщинистому лбу, тёрла виски покачивая при этом головой в разные стороны то назад, то вперёд, то налево, то направо. Она постоянно при этом повторяла «Юрочка, сыночек, мальчик мой». Тоня подумала, что Дина бредит и недоуменно посмотрела на Злату. Та в свою очередь перестала плакать и уставилась на обезумевшую Дину.

– Дина, девочка моя, ты что такое городишь? Какой сынок, какая мать? Это у Юрочки инфаркт, у нашего племянника, – Злате казалось, что сестра от ночного внезапного звонка Ани, от неожиданности, от потрясения просто сошла с ума и несёт всякий бред. Она перестала плакать и стала всячески успокаивать Дину, пытаясь привести её в чувства. Но та продолжала повторять своё: – Сыночек мой родной, кровинушка моя, Господи, спаси его.

На какие – то доли секунды Злата замерла, а затем твёрдым голосом, вполне спокойно сказала:

– Во-первых, Дина, немедленно прекрати истерику, у Юры просто инфаркт и врачи сделают всё возможное, а, во-вторых, объясни, пожалуйста, что ты тут наговорила, я жду... Тонечка, принесите ей, пожалуйста, воды и накапайте нам всем валерьянки. Нет, мне лучше корвалол шестьдесят капель.

Тоня совершенно изумлённая пошла выполнять распоряжение Златы, она никогда бы не подумала, что старшая из сестёр, всегда более летающая где-то в облаках, может так вот вдруг приземлиться, собраться и не паниковать, а Дина, сильная и стойкая Дина, наоборот – совсем раскиснуть. Получается, что сёстры поменялись ролями перед лицом каких-то новых, ещё неизвестных обстоятельств.

Когда Дина выпила принесённую ей порцию валерьянки и запила полным стаканом воды, она немного успокоилась. Злата, допив свою порцию спасительного зелья, села на вольтеров-

ский стул напротив сестры итвёрдым, не терпящим ни малейшего возражения голосом старшей сестры, потребовала:

– Я жду, Дина, объясни всё. Ты же не сумасшедшая, рассказывай!

И Дина, уже вполне пришедшая в себя, тихим ровным голосом, с какой-то обречённостью начала:

– Что рассказывать... помнишь в сорок первом, когда Марика мобилизовали, помнишь? Вы тогда ещё с хором в Каширу на ГРЭС поехали концерты давать?

– Помню, конечно, это в сентябре было, мы там неделю работали, я ещё немного простудилась... – Злата настороженно смотрела на сестру.

– Так вот, Марик приехал к нам, его отпустили с семьёй вроде попрощаться, а семья-то у него была в Виннице, он к нам и приехал, как к своим... Злата, прости меня... мама тогда тоже в Малаховку к Бэле и Додику поехала за продуктами, я одна дома была. Мы с ним долго сидели, пили чай, он ел так жадно, так много, потом выпить попросил... Злата, он такой несчастный был... я видела, что он совсем на фронт не хотел, он боялся, очень боялся... мне его так жалко стало. Вот мы с ним остатки какого-то вина допили и потом... Златочка, он это от страха, мне кажется, что он уже тогда знал, что не вернётся. Я думаю, это он не со мной... он тебя любил, только тебя... я просто под руку попала... он всё время твоё имя произносил, ну понимаешь да? В то время, он был со мной, а думал о тебе...

По лицу Златы текли слёзы, она шепотом спросила:

– И ты столько лет молчала? Почему? За что ты так со мной?

– Златочка, я же знала, как ты его любила, как ты страдала, разве я могла это рассказать? Потом, когда стало ясно, что будет ребёнок, мама поехала в Малаховку и там с Бэлой и Додиком договорилась. У них ведь детейне было, и им очень хотелось, да и возраст у Бэлы никаких надежд на своих детей не давал. Они так обрадовались, так были счастливы... и я поехала к ним жить, ты помнишь? – всё это Дина продолжала говорить таким же тихим, бесцветным голосом, каким и начала свой рассказ. Тоня поражалась, насколько велико было её мучение все эти годы, что теперь ни сил, ни эмоций видимо не осталось.

– А потом, почему потом не сказала?

– А потом... когда пришло извещение на Марика, когда ты в истерике себе вены порезала... когда потом? Потом надо было как-то тебя вытаскивать из этого кошмара, потом надо было маму хоронить... потом, после войны, когда тебя из хора по пятому пункту сократили и ты осталась без работы и пошла в детский садик на пианино детям аккомпанировать и твоё превосходное, неотразимое обуховское меццо-сопрано уже никогда тебе не понадобилось... потом просто выживать надо было... Главное, что Юрочке было хорошо, Бэла с Додиком его обожали, они ему всё дали, он ни в чём не нуждался никогда, он их очень любил, и я могла ездить и быть с ним, – Дина закрыла лицо руками и еле слышно добавила, – если с Юрочкой что-нибудь случится, я тоже жить не буду...

– Тонечка, вы можете нас отвезти в больницу, Аня сказала, что Скорая повезла Юру в Первую Градскую? – Злата вопросительно посмотрела на бледную Тонечку, потом на сморщенную, жалкую сестру и осеклась, – Дина, может до утра подождём? Ни ты, ни я не выдержим, третий час ночи!

– Да, чего мне выдерживать, если моему сыну плохо, не выдержим... – на минуту Дина задумалась, – да, ты можешь не выдержать, тебе нельзя совсем волноваться, у тебя же кардиостимулятор давно менять надо. Злата, ты оставайся, а Тонечка со мной поедет, да? – и Дина покачиваясь на не слушающихся ногах пошла в коридор надевать плащ.

– Тонечка, ну уговорите её, она же ничем помочь не может, ну сделайте же что-нибудь, пожалуйста! – Злата с мольбой в дрожащем голосе, схватила Тонечкину руку и начала трясти. – Пусть Илья Львович её уговорит, позовите его.

– Да, да, я сейчас, он внизу в машине, – Тоня набрала номер мужа и попросила подняться. Илья Львович смущённо вошёл. Когда Тоня рассказала, не вдаваясь в подробности, что Дина Матвеевна просит их отвезти её в больницу к Юре, то Илья Львович со свойственным логическим мышлением математика привёл Дине и Злате неоспоримые доводы в абсолютной бесполезности этого поступка, главным доводом был тот, что выздоравливающему Юрию Давидовичу необходим будет уход, а не волнения о разболевшихся тётушек. И после того, как он позвонил в Приёмное отделение и выяснил, что состояние Юры уже не вызывает опасности для жизни, что он пока находится в реанимации и туда никого не пускают, после того, когда Илья Львович перезвонил Ане и услышал от неё подтверждение ранее узнанного, только тогда Дина сдалась, сняла плащ и согласилась подождать дома до утра. До утра оставалось ни так уж и долго. Тоня с мужем уехали домой, пообещав сёстрам в 9.00 заехать за ними и отвезти их в больницу к Юрочке.

Всю обратную дорогу Тоня не переставала думать о Юре, о том, как он ей дорог, как благодарна она мужу за то, что так мудро разрулил ситуацию с ночной поездкой, о том, что Дина взяла с неё и Златы клятву никогда ни при каких обстоятельствах не говорить Юре, что она его родная мать. Эта тайна должна остаться тайной. И они втроём, три женщины, которые любили его каждая по- своему: Дина потому, что она была его матерью, Злата потому, что он оказался сыном её возлюбленного, а Тоня, Тоня потому, что он был просто мужчиной её жизни, они решили, что всё должно остаться так как и было.

Проводив Тонечку Злата пошла прилечь в свою комнату, она чувствовала себя выжатым лимоном, опустошённой и просто усталой, очень усталой.

Дина не раздеваясь сидела на своём диване и смотрела на портрет мамы, написанный рукой Марика – отца её ребёнка, ей казалась, что мама всё видит и всё понимает, ведь все эти шестьдесят долгих лет только она знала правду о ней и Юрочке, только с ней она делилась и просила совета, только с ней она была откровенна.

Старинные часы на стене над головой Дины дребезжа проржавевшими гирями, размеренно и важно пробили шесть раз...

Две фотографии

Старый альбом... старые чёрно-белые или коричневатые, выцветшие фотографии с заломами и уже подёрнутые тленом с проступающими белёсыми пятнами. Пройдёт ещё немного времени и то, что было на них когда-то запечатлено, потеряв свою чёткость, помутнев, потускнев постепенно станет исчезать, неотвратно унося с собой те прекрасные, важные и значимые мгновения прошлой жизни, которые так хотелось бы сохранить не только в своих мысленных воспоминаниях, но и получать удовольствие от вида, наглядности, визуального дополнения нашей хрупкой памяти.

Старый альбом... когда – то отец приклеил все фотографии большие и маленькие, дореволюционные, выполненные на твёрдом картоне в фирменных фотографиях, и тоненькие, любительские самых разных размеров, довоенные и послевоенные. Мама ругалась на него за это – приклеил он их каким-то жутко крепким клеем непонятно какого состава и что называется – намертво. Поэтому если и захотелось бы кому-то посмотреть надпись на обороте перевернув фото, узнать в каком году оно было сделано и в каком месте, кто так мило улыбается глядя на тебя через годы, а кто напряжённо серьёзен на малюсенькой фотографии для документа, то сделать это совершенно не представляло никакой возможности.

Альбом был толстый, распухший, давно не вмещающий в себя всю длинную и такую насыщенную человеческую жизнь целой семьи, между последними страницами нахально примостились россыпью те фотографии, которые страницы альбома не вмещали в себя и которым, казалось бы не было уже места, но их тоже втиснули, потому что и они были частицей этой семейной жизни и поэтому имели полное право наряду с самыми первыми находиться здесь.

Обложка альбома была внушительной, жёсткой из тёмно-серого почти чёрного с муаровым рисунком дерматина и с небольшим овальным резным окошечком на передней, главное станице, в это окошечко была вставлена открытка с изображённым на ней натюрмортом вполне известного фламандца – роскошные пионы в серебряной круглой вазе, хрустальный бокал с тёмно-красным вином, а на переднем плане жёлтый лимон с изящно свисающей спиралькой срезанной кожуры и гроздь великолепного чёрного и янтарного винограда.

Альбом периодически доставали из нижнего ящика массивного письменного стола, где он имел постоянную прописку, и внимательно, трепетно и бережно просматривали, попутно старшие всегда что-то объясняли и рассказывали младшим. Каждую страницу этого альбома, каждую фотографию знали и помнили наизусть: все довоенные снимки, изображавшие то время, о котором дети знали только по рассказам отца и матери, казались настолько родными, что ощущение того, что в альбоме существует своя собственная, внутренняя, сказочная жизнь, было вполне реальным. Откроешь страницу и вот, ты погружаешься в этот особый мир, мир пропахший запахом старого картона, папиного ядрёного клея и нескольких засохших цветков, уютно примостившихся когда-то между страницами, мир воспоминаний, фантазий, счастья и трагедии, мир Первой мировой и Отечественной войны, мир Крымских санаториев – дворцов, мир пионерских лагерей советского счастливого детства и мир профсоюзных коллективов родительской работы – мир огромной семьи.

На одной из самых первых страниц этого альбома немного вызвали удивление две совершенно одинаковые фотографии- близнецы, на обеих был снимок площади с памятником Тарасу Шевченко в г. Харькове. Конечно, дети знали, что мать до войны жила в Харькове, а отец учился в Москве, его сокурсник, родом тоже из Харькова, заочно познакомил их и они почти год переписывались; ещё дети знали, что первое свидание произошло именно у этого памятника, но наличие двух этих фотографий на одной странице было по меньшей мере странным и совершенно непонятным. Тем более, что ни отца, ни матери, ни вместе, ни порознь на фотографиях этих не было. А поскольку большинство фотографий были приклеены на свои

места отцом ещё до рождения детей и жили там всегда, то и наличие этих близняшек никогда не обсуждалось, подумаешь на мгновение об этой странности и тут же забудешь – есть и есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.